

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

«Ненависть к людям и раскаяние»

«Давно уже афиши возвещали возобновление, или восстановление, этой пьесы, старой, всем известной, многими охуждаемой, но всегда производящей сильное действие; наконец, ее дали. Если б до представления пьесы или до прочтения афиши спросить всех, не только знатоков, любителей, но даже и посетителей театра, кто играет Эйлалию, то, конечно, начав с г-жи Синецкой и дойдя до г-жи Пановой, никто не отгадал бы, что Эйлалию играет воспитанница Федорова...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
**«Ненависть к людям и
раскаяние»**

*Комедия в пяти действиях, Дивертисман. Пятница, 10
июня, Малый театр*

Давно уже афиши возвещали возобновление, или восстановление, этой пьесы, старой, всем известной, многими охуждаемой, но всегда производящей сильное действие; наконец, ее дали. Если б до представления пьесы или до прочтения афиши спросить всех, не только знатоков, любителей, но даже и посетителей театра, кто играет Эйлалию, то, конечно, начав с г-жи Синецкой и дойдя до г-жи Пановой, никто не отгадал бы, что Эйлалию играет воспитанница Федорова. Бедная девочка попала в преступницы, в матери восьмилетних детей! из ролей простеньких крестьяночек – в образованные женщины! С своим румяным, как маков цвет, лицом – в казнимую совестью, бледную, желтую г-жу Миллер (об этом идет целое явление в пьесе). Даже и побелить или пожелтить ее никто не потрудился! Как девица Федорова, а не как Эйлалия, она была очень жалка, и совестно осуждать ее; скажу даже, что все заметили в ней если не сильное чувство, то по крайней мере какую-то слезливую чувствительность. Но заметно было и то, что вся роль выучена ею с голоса и она пропела ее, как канарейка с ор-

ганчика! Даже все положения, все движения были заученные, чужие, следственно принужденные!.. Зато сбылись робкие надежды некоторых любителей театра. Г-н Мочалов сыграл Неизвестного, или Мейнау, – превосходно! Двадцать пять лет знаю я Петербургский и Московский театры, видел всех артистов, с успехом игравших эту роль (в том числе одного немецкого актера в Петербурге, лучше других понимавшего Мейнау), и, несмотря на сильные места в роли, которыми славился покойный Яковлев, по моему мнению никто с такою истиною чувств, с такою верностию, целостию характера не играл Мейнау, как г-н Мочалов. Но, увы! сыграет ли он так же эту роль в следующий раз? Ручаться не смею, но повторяю при этом случае, что талант его, хотя редко бываешь доволен им, может стоять на самой высокой степени достоинства! Да не соблазнится г. Мочалов скудостью рукоплесканий: кому было хлопать? В креслах половина зрителей была официальная! И неужели внутреннее чувство самодовольствия не наградило его за прекрасное исполнение роли Мейнау? Артиста, который

всегда так разыгрывал бы свои роли, поистине можно назвать жрецом в храме изящного искусства! Весь рассказ, особенно первая половина и вся последняя сцена с Эйлалией были исполнены г. Мочаловым с совершенством. Какой ужасный смех! Какая истина, глубокость чувства! Заметим, однако, что ему надобно быть постарее, а на лице его должны лежать морщины, не старостью, но страданиями души налагаемые. Заметим, что последнее восклицание Мейнау, сделанное г. Мочаловым: «Друг мой, я тебя прощаю!» – неверно. Одно слово *прощаю* должно вырваться из души его при взгляде на детей, из души, и без того уже изнемогавшей от полноты чувств. Гг. Цыганов, в роли Биттермана, Потанчиков, в роли слуги, Живокини, в роли Петра, были очень хороши; первый смешил без всяких фарсов и излишеств. Г-жа Нагаева изрядно играла Лотте, дочь лейб-кучера, а г-жа Рыкалова – жену графа. Г-н Орлов был нехорош потому, что роль Горста к нему не шла, а г. Соколов в роли графа Винтерзее был несносен потому, что к нему никакие роли нейдут.